
Вадим Злотников
Ось Ариона
18+

Вадим Злотников

Ось Ариона

«Автор»
2026

Злотников В.

Ось Ариона / В. Злотников — «Автор», 2026

Внимание: Арион — не Орион. Это имя планеты, где магия работает по законам равновесия, а не чудес.Инженер Ренат попадает в средневековый мир и оказывается в теле местного пятнадцатилетнего юноши. Его оружие — не меч и не заклинание, а понимание систем: как удержать нагрузку, где проходит предел прочности, как не дать балансу нарушиться.В деревне его считают странным: он всё раскладывает по полочкам, всё измеряет и ищет точку опоры. Но когда мир начинает трещать по швам, именно этот взгляд на вещи может спасти всех.«Ось Ариона» — история о том, как инженер пытается удержать равновесие там, где другие полагаются на веру.

© Злотников В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Холод и тишина 5
Карта мира на стене 9
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Вадим Злотников
Ось Ариона

Холод и тишина

Ренат проснулся от непривычной тишины.

Не от той, что бывает ранним утром, когда весь дом ещё спит и можно спокойно выпить кофе. Эта тишина была другой — глухой, тяжёлой, словно снег за окном укутал не только улицы, но и весь мир вокруг.

За стеклом лежал ноябрьский снег. Плотный, мокрый, местами уже слежавшийся. Небо затянуло низкими серыми облаками, и даже утро казалось поздним вечером.

Ренат полежал ещё немного, глядя в потолок, затем потянулся за телефоном.

Сообщения от диспетчера. Напоминание о завтрашнем отчёте. Сводка по запасам угля.

Ничего нового.

Он поднялся, накинул домашнюю кофту и отправился на кухню. Там было теплее всего. Старые батареи грели как придётся, поэтому в одной комнате приходилось открывать окно, а в другой ходить в носках потолще. Ренат давно привык к этим мелочам.

Поставив чайник, он включил кофемашину и невольно улыбнулся. На работе он привык следить за десятками параметров, чтобы всё работало как положено. А дома позволял себе не обращать внимания на небольшие неудобства.

Кофе, душ, одежда. Всё по привычному порядку.

Перед выходом он проверил карманы, взял пропуск и небольшой блокнот. В нём не было сложных расчётов или формул. Только рабочие заметки: проверить задвижку на третьей линии, уточнить у слесаря состояние ленты, посмотреть датчики натяжения.

Обычные вещи, о которых легко забыть, если не записать.

Машина встретила его теплом салона и знакомым запахом пластика. Ренат поставил термокружку в подстаканник, завёл двигатель и выехал со двора.

По дороге он думал о работе. Ничего особенного — предстояло разобраться с подачей топлива, проверить нагрузку на конвейер и ещё раз поговорить с молодым стажёром. Тот никак не мог усвоить простую вещь: в инженерном деле слово «немного» иногда заканчивается довольно дорого.

На электростанции день прошёл привычно.Бумаги, отчёты, обходы. Короткие разговоры с коллегами:

— Как лента?

— Пока нормально.

— Давление смотрел?

— Утром. Всё в пределах.

— Снег опять обещают.

Ренат кивнул и пошёл дальше.

Работа ему нравилась. Не каждый день происходило что-то интересное, чаще приходилось заниматься мелочами, которые никто не замечал, пока они исправно работали. Но именно из таких мелочей складывалась надёжность всей системы.

Он знал свой участок, знал людей и понимал, за что отвечает. Здесь всё было знакомо и понятно.

К концу смены за окнами уже стемнело. Снег продолжал идти, а на дороге местами появился тонкий слой льда. Ренат не торопился, держал дистанцию и старался не делать резких движений.

Усталость постепенно давала о себе знать. Хотелось поскорее добраться домой, снять куртку, налить кофе и наконец никуда не спешить.

Впереди показались фары.

Сначала обычный свет встречной машины, но через мгновение он стал слишком ярким. Ренат прищурился, стараясь не терять дорогу из виду.

Дальше всё произошло быстро.

Колёса потеряли сцепление с дорогой. Машину повело в сторону. Он попытался выровнять руль, но автомобиль уже не слушался.

На мгновение перед глазами мелькнул встречный ряд.

А потом — огромные фары грузовика.

Тишина.

Ренат очнулся от неприятного запаха.

Сырость, старая зола и какие-то травы. Запах был настолько чужим, что он не сразу понял, что именно его разбудило.

Голова раскалывалась. Казалось, её стянули железным обручем, а затем несколько раз ударили чем-то тяжёлым.

Он попытался сесть.

— Тише, тише!

Чья-то рука легла ему на плечо и осторожно, но настойчиво заставила опуститься обратно.

Перед глазами всё поплыло. В ушах зашумело. Ренат зажмурился, пережидая приступ головокружения.

— Не торопись.

Тебе ещё рано вставать.

Голос был женский, немного хрипловатый, но спокойный.

Когда он снова открыл глаза, рядом сидела пожилая женщина. В одной руке она держала небольшую кружку, в другой — сложенную ткань. Она была одета в простое платье, поверх которого лежала тёплая шерстяная накидка.

Ренат попытался рассмотреть комнату.

Деревянные стены, низкий потолок, небольшое окно. Рядом стояла печь, от которой исходило приятное тепло. В углу висели пучки сушёных трав, а на столе лежали какие-то тряпки и глиняная посуда.

Не больница.

Эта мысль почему-то оказалась первой.

— Где я? — спросил он.

Собственный голос заставил его нахмуриться.

Он был слишком высоким. Молодым. Совсем не таким, каким должен был быть.

Женщина поправила ткань у него на лбу.

— У меня дома. В моей избе. Ты долго не приходил в себя.

— Что произошло?— Этого я и сама не знаю.

Тебя нашли после пожара. Ты был без сознания, весь в грязи. Хорошо ещё, что жив остался.

Пожар.

Ренат попытался вспомнить хоть что-нибудь. Перед глазами мелькнули какие-то обрывки: яркий свет, крики, дым. Но стоило ухватиться за них, как всё расплывалось.

Он медленно поднял руку.Пальцы были тонкими. Кожа чистая, без привычных мозолей и небольших шрамов. Запястье казалось слишком узким.

Ренат посмотрел на свою ладонь, потом на женщину.

— Какой сейчас год?

Та слегка нахмурилась.

— Год? — переспросила она. — Ты, должно быть, сильно головой ударился.

— Просто ответьте.

Женщина некоторое время смотрела на него, затем вздохнула.

— Сейчас год после смены власти у барона. А если тебе нужны числа, то я их не помню. Тут больше по урожаям да зимам считают.

Ренат ничего не ответил.

Слова были понятны. Смысл — нет.

— А где мы находимся?

— В Вестрионе. На землях барона Каэрбрука. Деревня отсюда недалеко, но ты пока лучше лежи.

Вестрион.

Он повторил название про себя, пытаясь зацепиться хоть за что-нибудь знакомое.

— А планета? Как она называется?

Теперь женщина посмотрела на него с явным недоумением.

— Арион. А что?

Ренат отвернулся к потолку.

Арион. Вестрион. Незнакомые названия, незнакомое место. И тело, которое ему совершенно не принадлежало.

Он снова посмотрел на руки.

Слишком маленькие.

— Я ничего не помню, — произнёс он после паузы. — Только пожар. Крики. И… имя.

— Имя хоть помнишь?

Ренат замолчал.

Ренат. Это имя было частью его прежней жизни. Работы, дома, привычек, людей, которых он знал. Но сейчас оно казалось каким-то далёким.

Женщина, заметив его замешательство, заговорила снова:

— Если не помнишь, ничего страшного. У нас имена попроще. Можешь выбрать себе другое. Главное, чтобы самому нравилось.

Он задумался.

Старое имя здесь звучало бы чуждо. Да и объяснить, откуда он, всё равно не смог бы.

— Тогда Рэн, — тихо произнёс он. — Просто Рэн.

Женщина повторила имя, словно проверяя, удобно ли оно звучит.

— Рэн… Ладно. Пусть будет Рэн. А меня зовут Мара. Если что-нибудь понадобится — зови.

Он кивнул.

Мара. Ещё одно имя, которое следовало запомнить.

Рэн снова осмотрел комнату. Печь была сложена из камня и глины, дымоход уходил куда-то вверх, за потолок. В стыках виднелись небольшие трещины, но ничего критичного. Тепло она держала хорошо.

— Если раствор в стыках начнёт осыпаться, тяга может измениться, — негромко произнёс он.

Мара проследила за его взглядом.

— Что?

— Печь. Если между камнями появятся щели, дым может пойти в комнату.

Женщина посмотрела на печь, затем снова на него.

— Ты разбираешься в печах?

Рэн пожал плечами.

— Немного. Просто видел, как их делают.

Он вовремя остановился. Ещё немного — и мог бы сказать что-нибудь о работе на электростанции, о дымоходах и тяге. Но пока лучше было помолчать.

Мара подала ему кружку.

— Выпей. Травы с мёдом. Голове станет легче.

Рэн осторожно сделал глоток. Напиток оказался горьковатым, но приятным. Тепло медленно разошлось по горлу и груди.

— Спасибо.

— Не за что. А теперь отдыхай. Тебе нужно набраться сил. Когда станет лучше, поговорим.

Он хотел задать ещё десяток вопросов. Узнать, где находится, что это за место, кто такой барон Каэрбрук и почему здесь никто не считает годы привычным способом.

Но голова снова начала болеть, а веки налились тяжестью.

Рэн поставил кружку на столик и лёг удобнее.

Мир вокруг оставался чужим. Слишком много вопросов, слишком мало ответов.

Но хотя бы теперь у него было имя, место и человек, к которому можно обратиться.

Пока этого должно было хватить.

.

Карта мира на стене

Я проснулся не сразу.

Сначала вернулся холод. Не тот, что пробирается под одежду на зимней улице, а сырой, тяжёлый холод старого дома. Потом запах дыма, трав и чего-то горького. И только после этого — воспоминания.

Чужие.

Они всплывали обрывками: покосившийся забор, грязная дорога, крик женщины, чьи-то руки, тащившие меня за плечо. Огонь. Дым. Бегущие люди. Лица, которые никак не удавалось рассмотреть целиком.

Я зажмурился.

Не мои воспоминания. Но и не совсем чужие.

Иногда мне удавалось ухватить отдельную картинку, услышать знакомое слово или вспомнить название вещи, которую я никогда в жизни не видел. Стоило попытаться разобраться, как всё расплывалось. Будто за мутным стеклом кто-то время от времени зажигал свет, но подойти ближе не позволял.

Дверь тихо скрипнула.

— Проснулся? А я уж думала, ещё полдня проспишь.

Мара вошла с деревянной кружкой. Поставила её на стол возле кровати и посмотрела на меня.

— Ну как ты себя чувствуешь?

— Лучше. Наверное.

— «Наверное» — не самый надёжный ответ.

— Голова уже почти не болит. Только немного кружится.

— Вот и хорошо. Но с постели пока не вскакивай. Вчера ты и до кружки толком дотянуться не мог.

— Долго я спал?

— Достаточно, чтобы я успела пожалеть, что взялась за тебя.

Она сказала это с таким серьёзным видом, что я не сразу понял, шутит она или нет.

— Значит, мне повезло, что ты не передумала.

— Не искушай судьбу. Пей.

Я взял кружку. Отвар оказался тёмным и пах так, будто в него положили всё, что нашли под ближайшим кустом.

— Что это?

— Лекарство.

— А из чего?

— Из трав.

Я посмотрел на неё поверх кружки.

— Очень подробный рецепт.

— Хочешь, в следующий раз напишу на бумажке?

— Если там будет указано, как это пить, я буду благодарен.

Мара усмехнулась.

— Пей, пока не остыло.

Я осторожно сделал глоток. Горечь тут же разлилась по языку.

— Мерзость.

— Зато помогает.

— Это многое объясняет.

— Что именно?

— Почему лекарства здесь такие невкусные.

— А где они бывают вкусными?

— Хороший вопрос.

Мара придвинула ко мне миску с водой.

— Вот и не задавай лишних. Выпей всё, потом умоешься. Только не спеши.

Я допил отвар, стараясь не думать о его вкусе, и медленно поднялся. Голова немного закружилась, но быстро отпустило. Тело всё ещё казалось непривычным. Слабость, лёгкая дрожь в руках, какая-то странная лёгкость в плечах.

Я посмотрел на свои ладони. Молодые, худые, с мелкими ссадинами.

Пятнадцать лет.

Ему было пятнадцать. Точнее, этому телу. Сам я помнил совсем другую жизнь и совсем другой возраст. И пока никак не мог привыкнуть к тому, что теперь всё это придётся совмещать.

Провёл ладонью по лицу и оглядел комнату. Небольшая изба, грубая мебель, печь, полки с глиняными горшками. На стене напротив кровати висела деревянная доска.

Только теперь я толком обратил на неё внимание.

На доске были выжжены и нарисованы линии. Одни извивались, другие пересекались, третьи обрывались возле небольших значков. Рядом с несколькими линиями стояли короткие надписи.

— Это карта?

Мара проследила за моим взглядом.

— Можно и так сказать.

— Не очень похоже на карту.

— Передам мужу, когда увижу его.

Я перевёл взгляд на неё.

— Он рисовал?

— Когда-то. Любил возиться с такими вещами. Говорил, что однажды я перестану спрашивать, где какая дорога.

— И перестали?

— Нет. Но теперь спрашивать не у кого.

Она произнесла это спокойно, без надрыва. Потом подошла к стене и указала на длинную извилистую линию.

— Вот Каэр. Река. Если верить рисунку, здесь она делает большой изгиб, а дальше уходит к северу.

Я прищурился.

— Если верить рисунку?

— Ты хотел, чтобы я сказала, будто он был великим картографом?

— Я просто заметил, что река у него почти прямая.

— Осторожнее. Он бы обиделся.

— Даже после смерти?

— Особенно после смерти.

Я невольно улыбнулся. Мара тоже улыбнулась, но почти сразу вернулась к карте.

— А вот здесь Лир-Холм. Наша деревня.

Небольшая отметка стояла в стороне от основного русла. Рядом виднелась тонкая линия дороги.

— Далеко от реки?

— Не так уж. Пешком можно дойти за несколько часов, если дорога сухая и ноги не подводят.

— А это что?

Я указал на другой знак, ближе к переправе. От него почти ничего не осталось — только тёмный след и несколько коротких штрихов.

Мара ненадолго замолчала.

— Деревня, которой больше нет.

Внутри что-то неприятно сжалось. В памяти мелькнул огонь, женский крик, запах горелого дерева.

— Та самая?

— Да.

Я ещё немного посмотрел на отметку.

— Она была возле переправы?

— Почти у самой дороги. Оттуда удобно было следить за теми, кто двигался вдоль реки.

— Значит, её сожгли не случайно.

Мара повернула ко мне голову.

— А ты быстро делаешь выводы.

— Если нужно ударить по торговле, необязательно нападать на крепость. Можно перекрыть дорогу, сжечь склады, напугать перевозчиков. Или заставить людей уйти.

— Может быть, — ответила она. — Я слышала разные разговоры. Одни говорят, что искали припасы. Другие — что хотели предупредить соседнего правителя. А кто-то уверяет, будто это была обычная расправа.

— И никто не знает наверняка?

— Если кто-то и знает, то молчит.

Я снова посмотрел на карту.

— А переправа кому принадлежит?

— Вот это уже интереснее.

Мара коснулась пальцем небольшого обозначения у реки.

— Сама крепость и большая часть переправы находятся на нашей стороне. В землях Каэрмарча. Каэргард поставили именно для защиты этого места.

— А северный берег?

— Там уже Нордхейм. Другие земли, другие порядки. У них свои правители.

— Значит, переправа разделена между двумя сторонами?

— Примерно так. Караваны идут через обе территории. Каждая сторона собирает пошлины там, где имеет на это право.

— Тогда в чём спор?

Мара посмотрела на меня с лёгкой усмешкой.

— Ты думаешь, дело только в пошлинах?

— А разве нет?

— Представь, что ты купец. Твой товар должен пройти через переправу. На одном берегу его проверяют, на другом могут задержать обоз, а потом ещё и изменить условия прохода. И всё это не обязательно делать одновременно. Достаточно, чтобы дорога стала неудобной или опасной.

Я задумался.

— Получается, тот, кто контролирует переправу, может влиять на торговлю даже за пределами своих земель.

— Вот теперь ближе.

Она убрала палец с карты и посмотрела на меня.

— Только не думай, что всё решается одним приказом. Купцы тоже не дураки. Если им станет невыгодно, они найдут другой путь. А если таких станет много, пострадают и те, кто привык получать пошлины.

— Значит, каждый старается перетянуть торговлю на свою сторону, но не настолько, чтобы она совсем остановилась.

— Именно. Река кормит многих. Никому не хочется остаться у пустой переправы.

Я снова посмотрел на отметку сожжённой деревни.

— И набеги?

Мара не сразу ответила.

— Так говорят. Сначала страдают деревни, потом обозы, потом купцы начинают искать другие дороги. Но кто именно отдал приказ напасть на ту деревню, я не знаю.

— А кому это выгодно?

— Если бы я знала наверняка, то, наверное, не сидела бы здесь и не варила тебе отвары.

— А чем бы занималась?

— Уж точно не отвечала бы на бесконечные вопросы.

Она сказала это с улыбкой, и я решил пока не продолжать.

Я понимал, что передо мной не вся картина. Но уже мог представить, почему небольшая переправа способна стать причиной серьёзного конфликта.

— А Каэргард где? — спросил я после небольшой паузы.

Мара указала на отметку дальше по реке.

— Вот здесь. Крепость стоит недалеко от воды. При ней есть рынок. Туда свозят товары с окрестных земель, там меняют, продают, покупают. Иногда приходят торговцы издалека.

— То есть крепость охраняет реку и рынок?

— И дорогу. И переправу. Хотя насчёт того, насколько хорошо она всё это охраняет, у каждого своё мнение.

— А далеко отсюда?

— Если идти без спешки — около трёх дней.

Я запомнил расстояние. Три дня пешком. Значит, местность вокруг была не такой уж маленькой.

— А это? — Я указал на другую сторону доски. — Дорога уходит вглубь материка.

— Там Торнмар. Тоже примерно три дня пути, но в другую сторону.

— Большой город?

— Достаточно большой. Один из тех, что находятся под властью герцога.

— Герцог здесь главный?

— Не совсем. Над ним король. Но герцоги владеют большими землями и могут многое решать самостоятельно. Ни один из них не любит, когда ему указывают, как распоряжаться собственными владениями.

— А графы?

— Управляют округами. Некоторые имеют немало власти, особенно если их земли стоят на важных дорогах или торговых путях.

— Каэрмарч?

Мара кивнула.

— Наш округ. Земли здесь не самые богатые, зато река кормит многих. Через неё проходят товары, обозы, баржи. Кто контролирует движение по Каэру, тот получает влияние. Даже если его владения не так велики, как у соседей.

— И бароны?

— Бароны держат свои земли. Многие служат графам, но сила у всех разная. Один может иметь несколько деревень и небольшой отряд, другой — куда больше людей и денег. Сам титул ещё не говорит, насколько влиятелен его обладатель.

— А рыцари?

— Бывают разные. Одни служат при дворе, другие сопровождают своих господ, третьи владеют небольшими землями. Не всякий рыцарь богат, и не всякий богатый человек носит рыцарский пояс.

Я чуть нахмурился.

— Сложная система.

— Люди вообще любят всё усложнять.

— А король может остановить спор двух владетелей?

Мара убрала руку от карты.

— Может. Если захочет. Если посчитает нужным. Если у него найдутся время и причины вмешиваться.

Ответ прозвучал слишком знакомо. Я даже усмехнулся.

— Похоже, здесь тоже не всё решается по инструкции.

— По какой инструкции?

— Неважно. Просто подумал вслух.

Мара посмотрела на меня, будто хотела что-то спросить, но в итоге промолчала.

Я ещё раз оглядел доску.

— А остальные земли? Ты говорила, есть другие континенты.

— Есть. Эстария, Нордхейм, Сураха. И Вестрион, на котором мы сейчас живём.

— Ты там бывала?

— Не везде. И не во всех местах, о которых слышала, стоит верить рассказам.

— Что о них говорят?

— Про Эстарию — что там много богатых городов и высоких башен. Про Нордхейм — что там холодно, а законы суровые. Про Сураху — что солнце палит так, будто хочет выжечь землю до основания.

— А на деле?

— А на деле я там не была.

Я улыбнулся.

— Честный ответ.

— Запомни его. Он полезнее многих красивых историй.

Мара отошла от стены и занялась посудой. Я немного помолчал, разглядывая карту, потом всё-таки заговорил:

— Мара, а можно ещё кое-что спросить?

— Спрашивай. Только если опять про дороги, то на сегодня с меня хватит.

— Нет, не про дороги… — Я немного помедлил. — Здесь ведь бывает… магия?

Мара на секунду задержала взгляд на мне.

— Бывает. Она здесь была задолго до нас и, думаю, будет после.

— Значит, это не просто сказки?

— Нет, Рэн. Не сказки. Но об этом поговорим позже. Тебе и без того сегодня хватило новых сведений.

Я не стал настаивать.

Мара вернулась к посуде, а я снова посмотрел на доску. Четыре континента, король, герцоги, графы, бароны. Большая торговая река, спорная переправа и две дороги, ведущие в разные стороны.

Я попытался мысленно восстановить расположение мест. Лир-Холм в стороне от Каэра. Переправа ближе к сожжённой деревне. Каэргард — у реки. Торнмар — в глубине континента, в противоположном направлении.

Карта была неточной, но для начала годилась.

— Твой муж хорошо знал эти места? — спросил я.

Мара на мгновение задержала руки над миской.

— Достаточно хорошо.

— Он был торговцем?

— Нет.

— Военным?

Она посмотрела на меня.

— Почему ты так решил?

— По карте. И по тому, как ты рассказываешь о переправе.

— А что не так с тем, как я рассказываю?

— Ты говоришь не только о дороге. Сразу думаешь, где её можно перекрыть, как обойти и что будет, если кто-то потеряет контроль над переправой.

Мара чуть приподняла бровь.

— Может, я просто долго живу.

— Может быть.

Она отвернулась к столу и продолжила разбирать посуду.

— В молодости я жила в городе. Видела достаточно, чтобы понимать: неприятности редко начинаются там, где их ждут.

Я хотел спросить ещё, но сдержался. У каждого человека здесь, похоже, была своя история. И не всякую стоило вытаскивать наружу сразу.

— Тебе пятнадцать, — неожиданно сказала Мара.

Я посмотрел на неё.

— Ты уже говорила.

— А вопросы задаёшь так, будто тебе вдвое больше.

— Может, я просто любопытный.

— Любопытство иногда опаснее глупости.

— Постараюсь не злоупотреблять.

— Вот и хорошо.

Она поставила передо мной миску с похлёбкой и отломила кусок хлеба.

— Ешь, пока горячее. А то остынет, и придётся снова слушать, какая у меня еда невкусная.

— Я про еду ничего не говорил.

— Пока.

Я усмехнулся и взял ложку.

Похлёбка была простой: густой бульон, какие-то коренья, крупа и небольшие кусочки мяса. Названия некоторых продуктов я не знал, но память прежнего владельца тела подсказывала, что именно лежит в миске. Иногда это странное соседство двух жизней даже помогало.

— После еды покажу, где можно умыться, — сказала Мара. — И одежду тебе подберём. А потом, если ноги не подведут, выйдешь немного прогуляться.

— Думаешь, мне уже можно?

— Думаю, если будешь лежать целыми днями, быстрее не поправишься. Только далеко не уходи.

— Я даже дороги отсюда толком не знаю.

— Вот и не придётся далеко ходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.